

двух скамьях, расположенных амфитеатром. Подсудимые размещались в известном порядке, по-видимому, по степени важности возводимых на них обвинений и строгости ожидаемых приговоров. Подсудимые вводились поодиночке под усиленным конвоем жандармов с обнаженными шашками. Первым вводился Квятковский и помещался на верхней скамье, за ним — Ширяев, Пресняков, Тихонов, Окладский и др. Все эти первые пять были приговорены к смертной казни.

Входя, участники процесса почти все обменивались между собою молчаливым приветствием, а с сидящими вблизи и рукопожатием, родным же своим посылали на хоры приветливые улыбки. Держались в стороне от товарищей только Дриго и Булич, они были как будто чужие среди всех.

Что касается впечатления, которое производили своим внешним обликом и видом участники процесса, то вспоминается следующее. Ввиду своего пристрастия должна умолчать о Квятковском, скажу только, что он был почти изысканно одет в черной паре, держал себя вполне неприступно, с чувством собственного достоинства, и даже своих палачей заставлял проникаться к себе уважением. Производил сильное впечатление Ширяев своей интеллигентной красивой физиономией (блондин с русой бородой и поразительно белым нежным цветом лица). Улыбка его и вообще выражение лица излучали какую-то мягкость, доброту, и все располагало в его пользу. Пресняков особенного впечатления не оставил, помнится, что он блондин с бородой, среднего роста. Тихонов — коренастый, невысокий, с большой окладистой бородой, тип великорусского крестьянина лицом и манерой держаться — спокойствие и солидность. Окладский выдается небрежностью костюма и какой-то юркостью, сидел беспокойно, все время вертелся, стараясь садиться вполоборота к суду, выражая этим как будто пренебрежение к нему. Отвечает резко, с выкрикиванием. Физиономия, напоминая какого-то зверька, не внушает симпатии. Мартыновский — совсем юнец с несколько вызывающей физиономией. Цукерман — худой, бледный, с редкой растительностью, одет в серый костюм.

За исключением 3—4 человек, все участники процесса производили в высшей степени приятное впечатление, вызывая при этом чувство глубокого уважения, граничащее с преклонением перед их умственной и нравственной силой, перед их чистотой, правдивостью и особенным спокойствием изложения таких фактов и деяний, которые шаг за шагом приближали их к эшафоту.

Кроме упомянутого Окладского, производившего неприятное впечатление, Дриго и Булич были просто несимпатичны, а Булич даже, благодаря еще своему физическому недостатку (горбатый), производил отталкивающее впечатление (боюсь смешать с Дриго; помню только хорошо, что один из них был горбатый в сером костюме⁵, а другой — высокий, с черной бородой).

ЦГАОР СССР, ф. 1762 (П. Л. Лаврова),
оп. 5, д. 44, лл. 1—4 об. (Статья неизвестной «По поводу процесса 16-ти»).

С. Л. СОКОЛЬСКИЙ, И. В. ПОРОХ
**ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА
ГЛАЗАМИ УСМИРИТЕЛЯ**

Трагическим финалом неравной по силам, но вместе с тем безумно смелой схватки декабристов с царизмом, схватки, окрашенной тонами самопожертвования во имя высокой идеи, а также наполненной чувст-

⁵ Горбатым был А. П. Булич.

вом долга в отношении к товарищам по делу, явился разгром восстания Черниговского полка. Революционная вспышка на Юге, как установлено в советской историографии, не была случайным событием в жизни тайной организации¹. Выступление черниговцев под предводительством С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина логически вытекало из всей предшествующей деятельности руководителей Васильковской управы, являясь вместе с тем составной частью плана решительных действий, принятого Директорией Южного общества и в принципе согласованного с Думой северян.

Шестидневное (с 29.XII.1825 г.— по 3.I.1826 г.) единоборство черниговцев с послушной царизму военной машиной, естественно, окончилось поражением восставших. Однако это событие изрядно напугало правительство Николая I и способствовало активизации борьбы крестьянских масс Украины против крепостнического гнета.

Восстание Черниговского полка отражено в многочисленных и разнообразных источниках. Сведения о нем можно найти в показаниях декабристов на следствии, в официальной переписке командования 1 и 2-й армий, а так же 3-го пехотного корпуса и более мелких частей, входивших в их состав, в воспоминаниях и записках участников событий и близких к ним лиц, в дневниковых записках и письмах Николая I.

Публикуемое нами письмо подполковника Белорусского, принца Оранского гусарского полка² И. И. Левенштерна впервые появилось в печати на немецком языке в 1911 г., а затем оказалось переизданным в 1914 г.³ Оно было включено в текст доклада, сделанного Г. Врангелем 18 сентября 1911 г. на заседании Эстляндского литературного общества и посвященного характеристике отношений И. И. Левенштерна с декабристами, а точнее с семейством Муравьевых-Апостолов. С тех пор это письмо исчезло из поля зрения исследователей и совершенно не учтено в специальной литературе. Как исторический источник письмо И. И. Левенштерна имеет свои особенности и представляет немалый интерес. Написано оно человеком, который непосредственно принимал самое активное участие в разгроме восставших и сразу же по горячим следам событий. Вообще подобного рода послания не официальная реляция. В данном же письме много деталей доверительного свойства. В качестве примера сошлемся на строки о дружеских отношениях И. И. Левенштерна с М. П. Бестужевым-Рюминым.

Это признание окрашивает особым светом показание поручика И. И. Сухинова, которое послужило поводом для высшего начальства 1-й армии заподозрить И. И. Левенштерна в причастности к заговорщикам. И. И. Сухинов, ссылаясь на слова поручика Черниговского полка А. Д. Кузьмина, назвал И. И. Левенштерна членом Южного общества декабристов⁴. Исходя из показаний И. И. Сухинова, главнокомандующий 1-й армией генерал от инфантерии граф Ф. В. Сакен в донесении от 12 марта 1826 г. на имя начальника Главного штаба генерал-лейтенанта барона И. И. Дибича, писал: «Относительно генералов, упоминаемых Сухиновым, я не вхожу в рассмотрение, полагая, что в Комитете, в С.-Петербурге учрежденном, обстоятельства, до них касающиеся, долж-

¹ Порох И. В. Восстание Черниговского полка.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; Лисенко М. М. Повстанья в Черниговского полку (3 истории декабристского руху на Украине) Киев, 1956.

² Двойное название полк получил в связи с тем, что им командовал племянник русских императоров Александра I и Николая I принц Оранский.

³ См. Восстание декабристов. Библиография. Сост. Н. М. Чернов. М.—Л., 1929, с. 218, № 1073; Движение декабристов. Библиография 1928—1959, Сост. Р. Г. Эймонтова, М., 1960, с. 101, № 796.

⁴ Восстание декабристов, т. VI, с. 141. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сообщения, где римской цифрой обозначается том из серии «Восстание декабристов» и арабскими — его страницы. (Ср. IV, 324).

ны быть в виду. Что же касается до подполковника Левенштерна, то хотя усердное действие его против мятежников должно бы оправдать и образ мыслей его, но за всем тем я обратил на него внимание корпусного командира. Между тем полагаю необходимым спросить об нем Муравьева-Апостола» (IV, 305).

Получив такой документ, следственная комиссия незамедлительно обратилась с запросом к С. И. Муравьеву-Апостолу и 26 марта 1826 г. получила от него заявление о непричастности к тайному обществу И. И. Левенштерна (IV, 454). Разбирательство вопроса о И. И. Левенштерне зафиксировано в «Алфавите декабристов», где читаем: «По уведомлению главнокомандующего 1-й армией о показании поручика Сухинова, назвавшего Левенштерна принадлежащим к Обществу, Комиссия спрашивала о нем главных членов Южного общества. Но они отозвались, что Левенштерн не только не принадлежал к ним и не брал никакого участия в делах Общества, но, напротив, действовал против возмутителей Черниговского полка под Королевою. Об этом уведомлен главнокомандующий» (VIII, III).

Таким образом подозрение, павшее на И. И. Левенштерна, было официально снято. И все же это бросило на него тень, поскольку он не получил ожидаемых наград. На самого И. И. Левенштерна восстание Черниговского полка произвело очень сильное впечатление. Есть основание считать, что он рассказывал о нем некоторым лицам (VI, 335, 338). Подтверждением сказанному служит и публикуемое ниже письмо.

Ценность его как исторического источника заключается в том, что оно очень живо передает напряженность обстановки в правительственном лагере после получения известия о революционном выступлении Черниговского полка, размах которого оставался еще не ясным, знакомит со сложными маневрами отрядов, которым было поручено окружить восставших. Немаловажное значение имеют сведения, уточняющие обстоятельства гибели И. И. Муравьева-Апостола и М. А. Щепилло, а так же то, что И. И. Левенштерн подтверждает стремление восставших захватить пушки 5-й конно-артиллерийской роты. В целом письмо вносит немало дополнительных сведений о событиях конца декабря 1825 г.—начала января 1826 г., связанных с попыткой членов Южного общества декабристов при помощи оружия добиться желаемой цели.

Письмо воспроизводится с его первой публикации. Но при этом в нем исправлены ошибки, допущенные И. И. Левенштерном при написании фамилий и географических названий. Примечания к письму сделаны авторами предисловия к публикации, перевод же С. Л. Сокольским с незначительными сокращениями. Приводим текст письма:

«Мой дорогой, добрый Карл! Хочу рассказать тебе, какие у нас здесь творятся дела, в крови, в крови по щиколотку были на днях наши гусары; свистела картечь, падали пушечные ядра, сыпались градом сабельные удары, но победа осталась за нами и вот я снова почиваю на лаврах в тихом Строкове.

Чтобы ты получил верное представление о всей кампании, я начну издалека. Первого декабря я со своим эскадроном заступил в Бердичеве⁵ в караул. Кто бы мог предвидеть, что в ближайшее время произойдет столько неожиданных событий. Третьего числа пришло известие о смерти покойного императора; восьмого войска присягнули великому князю Константину. Все было спокойно, пока не пришло известие об отречении; гусары тот час же присягнули императору Николаю и доказали через несколько дней, что готовы были скрепить свою клятву кровью.

⁵ В Бердичеве стоял штаб 3-й гусарской дивизии, которой командовал генерал-майор Ридигер (1783—1856). Гусарский принца Оранского полк входил в нее.

В сочельник меня пригласил к себе Ридигер и тот час же отправил на курьерных лошадях в полк. Пехота 9-й дивизии взбунтовалась и двинулась на Павлоочь, чтобы, как полагали, захватить пушки. Оранцы сразу же выступили большим отрядом, чтобы по возможности защитить орудия от бунтовщиков.

Можешь представить, с какой стремительностью проехал я 100 верст. В Павлооче собрался наш отряд, состоящий из тех эскадронов, которые располагались ближе всего, то есть 5, 6 и 2 эскадроны оранцев, 1, 3 александрийцев, 2, 6 мариупольцев. Под вечер сюда приехал Л. Ф. Рот⁶ и я узнал некоторые подробности.

Среди сотни других офицеров, которые здесь ежедневно отдаются под стражу, был арестован и подполковник Черниговского полка С. И. Муравьев-Апостол. Однако при поддержке офицеров и солдат своего батальона, которые нанесли командиру полка полковнику Гебелю 13 штыковых ран, он ускользнул от жандармов, собрал в Василькове 7 рот полка и поднял открытый бунт. Наш отряд должен был атаковать и захватить бунтовщиков.

Проведя чертовски скверную ночь под дождем, снегом и на морозе, мы еще до наступления утра двинулись в район Брусилова, чтобы отрезать противнику связь с двумя другими полками, которым, как говорили, нельзя было особенно доверять⁷. Марш был для нас из-за гололедицы довольно тяжелым, поскольку гусары совершенно не имели времени, чтобы остро подковать лошадей. Так мы скользили примерно 40 верст и остановились в деревушке, куда высланные дозорные принесли известие, что вражеские форпосты показались перед городом Фастовом. В 12 часов ночи меня позвали к корпусному командиру, который приказал мне отправиться в Трилеса, 25 верст в сторону, где я должен был найти 3 эскадрона гусар и верный правительству батальон пехоты. Генерал благосклонно заметил, что уж я то с моей известной храбростью смогу во главе этой горстки людей изрубить и захватить вражеские толпы. Он дал мне много инструкций, и в том числе сказал, что солдат следует щадить, офицеров же беспощадно рубить. Достав с огромным трудом лошадей, я отправился в путь, сопровождаемый дюжим крестьянином. Ночь была темной, шел снег и если бы бунтовщики захватили Фастов, то не было ничего проще, чем поймать меня, такая судьба постигла из-за невнимательности многих офицеров и заставила их за это заплатить жизнью. Уже насчитывают 6 жертв, которые были зарублены солдатами.

У одиноко стоящего в лесу трактира, расположенного совсем близко от Фастова, я остановился, чтобы набить трубку. Войдя в темную лачугу, я споткнулся о лежавшего там человека. «Кто там? — спросил я грозным голосом. «Солдаты» — последовал ответ. «Какие солдаты?» — «Солдаты из Фастова», — послышалось из темноты, и я услышал шум поднимавшихся людей. Как только были произнесены страшные слова «Солдаты из Фастова», мой верный крестьянин потащил меня за руку к двери лачуги и к саням. Но компания не могла начаться для меня с отступления. Кроме того мне так хотелось заполучить пленного, что я не мог не отважиться предпринять что-нибудь для этого.

Словом я снова бросился с обнаженной саблей в темную лачугу, опрокинул стоявшего ближе всех ко мне солдата и закричал во весь голос: «Гусары, сюда! Неприятель здесь! Гусары». Все, кто был в лачуге, еврей и солдаты, выбежали через заднюю дверь. Только я, и лежавший на полу солдат остались одни в темной комнате. Моего крестьянина и

⁶ Генерал-лейтенант Л. Ф. Рот командовал 3-м пехотным корпусом, входившим в 1-ю армию.

⁷ Имелись в виду Алексопольский и Кременчугский пехотные полки.

след простыл. Как же мне было связать одному здорового парня, который еще не оправился от испуга и продолжал лежать в оцепенении? Но все было кругом тихо, он легко мог справиться со мной! Так как дела мои обстояли так плохо, я хотел было уж проткнуть несчастного саблей, но тут распахнулась дверь и вошли крестьянин и один гусар из эскадрона фон Норверста, которого мой спутник, ища помощи, встретил в дозоре в лесу.

Теперь я велел связать задержанного солдата и отправил его под конвоем гусара к Роту. Лишь в три часа утра я приехал в Трилесе, где вместо трех эскадронов нашел лишь Шевалье Винцетти с его людьми. Посланный Норвертом разведчик принес нам известие, что противник силой в 1000 человек будет двигаться к Гребенкам, первой станции после Белой Церкви.

Не успело забрезжить утро, как прибыли с отрядом Рот и Гейсмар. Я тот час же был выслан вперед с четвертым эскадронам, чтобы все время преследовать неприятеля по пятам. Не успел я пройти и 10 верст, как натолкнулся на малочисленный авангард, который сразу же захватил. При этом отличились Адамович и Штейн. Гейсмар пришел мне на помощь с 3 эскадронами и 2 пушками.

Недалеко от деревни Кавалевки мы, наконец, увидели основную массу бунтовщиков, двигавшуюся на нас. Пушки были немедленно сняты с передков и вскоре после этого над головами повстанцев просвистел снаряд. Мятельники двинулись с прижатыми штыками на нашу батарею. Однако лейтенант Лазарев выстрелил так быстро и удачно справа ядрами, а затем картечью в густую толпу, что скоро вся колонна в нерешительности заколебалась.

Неприятельские офицеры все были впереди и пешие, в том числе и Муравьев.

Тут наш лейбэскадрон с Одобеско, 6-й мариупольский с Энгельгардом **перешли** в атаку и привели все в беспорядок, так что солдаты бросали ружья и патронташи. Одни просили пощады, другие бежали к расположенному вблизи лесу, но не успев его достигнуть, были взяты нашим бравым лейбэскадронам. Бунтовщики-офицеры были также захвачены в этом общем смятении. Лишь один, капитан свиты Муравьев, когда его окружили гусары сам пустил себе пулю в голову⁸. Капитан Щепило был изрублен на куски, после того как Гейсмар проткнул его своей веймарской саблей⁹.

Результат проведенной операции был настолько блестящим, насколько возможно: 23 убитых, 18 контуженных, 750 пленных, 2 знамени. Из офицеров мы поймали подполковника Муравьева, который был тяжело ранен, его брата во фраке, капитанов Быстрицкого, барона Соловьева, Кузьмина и еще двух офицеров, имена которых выпали у меня из памяти, и затем еще моего большого друга молодого Бестужева из Семеновской гвардии. Уже в первые минуты хаоса я натолкнулся на Муравьева¹⁰, он сразу же узнал меня и крикнул: «Colonel, vous êtes un brave et homme d'honneur, sauvez mon frère, qui va être massacré!»¹¹. Я действительно был счастлив, спасти его из рук наших быстрых до крови гусаров.

Таким образом, этот поход закончился к нашей славе. Лейбэскадрон конвоировал пленных, 6-й мариупольский офицеров, наша четвер-

⁸ Речь идет о младшем брате руководителя восстания девятнадцатилетнем прапорщике И. И. Муравьеве-Апостоле.

⁹ В 1813 г. Гейсмар отличился в сражении при городе Веймар и был удостоен памятной сабли.

¹⁰ И. И. Левенштерн писал о М. И. Муравьеве-Апостоле.

¹¹ «Полковник, вы храбрый и честный человек, спасите моего брата, иначе его зарубят.» (фр).

тая — пушки и взятый обоз, второй мариупольский эскадрон собирал контуженных, мертвых, ружья и т. д. Еще по пути капитан Кузьмин пустил себе пулю в голову из пистолета, который он спрятал. Князь Воронецкий из нашего полка был отряжен с 20 гусарами собирать там и сям беженцев и привел к нам ночью старого разжалованного артиллерийского полковника Башмакова и капитана Фурмана, которого я видел у Рудберга¹² на одном балу в семеновской форме, а так же 36 пленных.

Единственный офицер, которому удалось ускользнуть, был Сухинов из Александрийского полка, так как он носил гусарскую форму. Однако куда он убежит зимой?

Вот, мой милый Карл, краткая реляция о нашем походе, который весь продолжался с 1 по 4 января. Ты бы видел различные лица наших людей! Рот был очень беспокоен, но внешне дружелюбен со всеми. Но в глубине души, я думаю, он не особенно доверял оранцам. Гейсмар рычал как лев, но был храбр, это нельзя у него отнять! Я был козлом отпущения всего мира из-за своего бесполезного старания. Норверт, Одобеско, Адамович, Штейн и граф Ивелич очень пригодились в деле. Четырем эскадронам и двум пушкам, которые участвовали в бою старая Браницкая¹³ подарила 1000 рублей. Она отправила 30 миллионов в Киев и дрожала от страха. Теперь у нас опять все довольно спокойно но, бог знает, надолго ли!

На этом кончаю.

Твой друг И. Левенштерн»¹⁴.

¹² Барон Рудберг (1766—1832) с 1818 г. был гражданским губернатором Эстляндии.

¹³ Графиня А. В. Браницкая была богатейшей помещицей Киевской губернии. Среди многих других владений ей принадлежала Белая Церковь.

¹⁴ Eduard von Löwenstern und die Dekabristen, Gebrüder Murawjew Apostol. — «Baltische Monatsschrift», 1911, т. 72, тетр. 10, октябрь, с. 197—202.